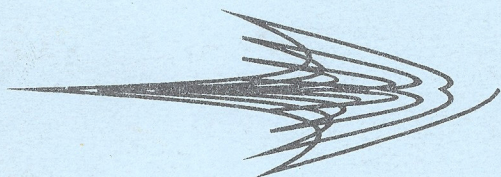

Социально-демографические процессы
НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ
(древность и средневековье)

Материалы Всероссийской
научной конференции

Кемерово 2003

с этим расположение наиболее бедной антропоморфными изображениями мог. 11 в общем ряду (в отличии от двух других) возможно свидетельствует о еще не вполне оформившемся статусе данного субъекта. Дополнительным аргументом в пользу особой (экстраординарной) роли в коллективе владельца антропоморфных изображений, погребенного в могиле 103, могут являться и уже отмеченные выше физические недостатки, существенно ограничивавшие его возможности. У шаманов Средней Азии и Казахстана духи представлялись большей частью в человеческом виде (Басилов В.Н., 1992, с. 231). На возможность становления института шаманства у народов Северной Евразии уже в бронзовом веке указывали С.В. Студзицкая и С.В. Кузминых (1991, с. 123-166).

В.В. Варфоломеев

*Карагандинский государственный университет
им. Е. А. Букетова, г. Караганда,*

К ВОПРОСУ «О МОЩНОМ МИГРАЦИОННОМ ПОТОКЕ БЕГАЗЫ-ДАНДЫБАЕВСКИХ ПЛЕМЁН»

Проблема бегазы-дандыбаевской культуры (далее – БДК) давно вышла за рамки локальной или даже региональной. Главным интригующим обстоятельством является своеобразная керамика гетерогенного состава, до недавнего времени известная в могильниках завершающих этапов эпохи бронзы Казахского мелкосопочника. В последней четверти XX века памятники с керамикой, близкой некоторым типам посуды БДК стали известны на территории к востоку и северо-востоку от Сарыарки – в Казахстане Прииртышье (Ермолаева А.С., 1986, с. 154-163), Томском Приобье (Матющенко В.И., 1974, с. 163), Барабинской лесостепи (Молодин В.И., 1985, с. 140-142; Нескоров А.В., 1985, с. 232, 233; Нескоров А.В., 1986, с. 196, 197), в Кулундинской степи (Удодов В.С., 1991, с. 84-90; Кирюшин Ю.Ф., Удодов В.С., 1990, с. 53-56; Ситников С.М., 2002, с. 11-15). Появились сообщения о находках бегазы-дандыбаевской керамики в Синьцзяне (об этом открытии мне известно по: Бобров В.В., 2002, с. 10).

Почти единодушно сибирские археологи такие факты комментируют с позиций теории миграций: в период постандроновской бронзы на территорию Западной Сибири из Центрального Казахстана проникает бегазы-дандыбаевское население. Расхождение мнений сводятся лишь к оценке масштабов этого процесса – от связей до «мощной волны» (Косарев М.Ф., 1981, с. 151,178; Молодин В.И., 1981, с. 15-17; Молодин В.И., 1985, с. 140-142; Тихонов С.С., 1987, с. 97, 98; Молодин В.И., Нескоров А.В., 1992, с. 95; Удодов В.С., 1991, с. 86; Бородавский А.П., Софеев О.В., Колонцов С.В., 2002, с. 14 и др.). Тезис о миграции бегазы-дандыбаевского населения на северо-восток аргументируется, в основном, находками «странной» керамики неясной этиологии, которая длительное время была известна только в Центральном Казахстане. На Алтае это плоскодонная, реже круглодонная посуда горшечной и кубкообразной формы с гребенчатым и фигурно-штампованным орнаментом в виде заштрихованных полос, ромбов, треугольников, шахматных композиций и т.д. (Удодов В.С., 1991, с. 87-89, рис.1; рис. 2, 1, 3-7; Шамшин А.Б. и др., 1999, с. 38, 39, рис. 5, 1-3, 5-8; рис. 6, 1). Керамика из Старого Сада в Барабе отличается более выраженной андронидностью (Молодин В.И., Нескоров А.В., 1992, с. 245, 246, рис. 2; рис. 3). Аналогии барабинской и кулундинской посуды некоторым сосудам из Сарыарки вполне справедливы. Но это ещё не является основанием для заявления о массовом оттоке населения из Центрального Казахстана.

Керамическая посуда из памятников БДК (подразумеваются все памятники горизонта культур валиковой керамики Сарыарки – В.В.) очень разнообразна по форме, орнаментике и технико-технологическим способам конструирования и оформления. По традиции, восходящей к работе М.П. Грязнова, её можно разделить на группы. По одному признаку – техника изготовления – Михаил Петрович выделил две группы сосудов из «кургана» 11 могильника Дандыбай (Грязнов М.П., 1952, с. 146-148). По современной номенклатуре группа 1 – саргаринско-алексеевская керамика. Группа 2 – бегазинская посуда по терминологии казахстанских археологов. Под последней понимается, обычно, вся керамика, синхронная валиковой и станковой и отличная от этих двух. Если за критерий дифференциации взять один признак – комплекс ассоциируемых признаков, характерных для известных

культурных образований – то можно выделить следующие группы:

Группа 1. Саргаринско-алексеевская керамика. Она составляет весь керамический комплекс поселений Сарыарки времени валиковой керамики. На самых крупных поселениях иногда дополнена бегазинской и станковой посудой. Самостоятельно или как компонент имеется во всех погребениях БДК (исключения редки).

Группа 2. Станковая керамика среднеазиатского происхождения. Известна на поселениях Мыржик (Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж., 1992, с. 213), Павловка (Малютина Т.С., 1985, с. 513, 514) и в памятниках Кентского археологического микрорайона – поселениях Кент, Байшура, Домалактас, могильнике Тасырбай.

Группа 3. Лепная среднеазиатская посуда. К этой группе отнесены сосуды с проявлениями традиций, характерных для культур Средней Азии. В могильнике Мирзашоки найден сосуд с крашеным орнаментом (Маргулан А.Х. и др., 1996, с. 281, табл. LIX, 5), в Актопраке – миска чувского типа (Ткачёв А.А., 1989, с. 90, рис. 4, 18), на поселении Кент – сосуд с трубкой и горшок амирабадского вида (Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В., 2002, с. 127, рис. 26, 9; с. 137, рис. 36, 8).

Группа 4. Андронидная керамика, в том числе с еловскими, сузгунскими, бархатовскими чертами. Происходит из могильников Бегазы, Бугулы II, Сангру I, Айбас-Дарасы, поселений Кент, Мыржик, Шортанды-Булак (Маргулан А.Х., 1979, с. 95, рис. 63, 3; с. 111, рис. 79, 2; с. 127, рис. 9, 6; рис. 07; с. 145, рис. 110, 4; с. 206, рис. 157, 21; Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж., 1992, с. 208, рис. 152, 1, 2, 8; Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В., 2002, с. 126, 127, рис. 25; рис. 26, 1, 2, 6, 8).

Группа 5. Карасукская керамика карасукского этапа. Представлена находками в могильниках Мирзашоки, Сангру I (Маргулан А.Х. и др., 1996, с. 281, табл. LIX, 4; Маргулан А.Х., 1979, с. 129, рис. 98, 2), Донгал (Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В., 2002, с. 119, рис. 18, 3; с. 120, рис. 19, 2).

Группа 6. Карасукская каменнолоожская (лугавская) посуда. Найдена в могильнике Бегазы (Маргулан А.Х., 1979, с. 89, рис. 58, 2, 4).

Группа 7. Керамика ирменского облика. Найдена в могильнике Уйтас-Айдос (Усманова Э.Р., Варфоломеев В.В., 1998, с. 58, рис. 12, 1) и на поселении Донгал (Ломан В.Г., 1987, с. 127, рис. 8, 2-4).

Группа 8. Посуда, аналогичная тагискенской. Имеется в могильниках Сангру I, Айбас-Дарасы (Маргулан А.Х., 1979, с. 117, рис. 85; с. 139, рис. 105), на поселении Кент (Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В., 2002, с. 127, рис. 26, 4, 7).

Группа 9. Посуда, сочетающая признаки, присущие керамике разных культур или не имеющая прямых аналогов в известных культурах. Могильники Сангру I, Айбас-Дарасы (Маргулан А.Х., 1979, с. 118, рис. 87, 1; с. 129, рис. 98, 1; с. 142, рис. 107; с. 143, рис. 108, 2-4), Карагаш, Донгал, Тасырбай (Варфоломеев В.В., 1982, с. 64, рис. 4, 4; с. 65, рис. 5, 1, 2; Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В., 2002, с. 118, рис. 17, 7; с. 136, рис. 35, 39).

Выделение керамики групп 3-9 не основано на абсолютном тождестве с керамикой исходных культур. Но ведь даже в пределах одной культуры не часто встречаются абсолютно идентичные предметы. Тем не менее, именно в предельно дробном делении керамики по принадлежности к культурным типам видится ключ к решению бегазинской проблемы. Характерные признаки выделенных групп указывают на возможные территории формирования прототипов «проблемной» керамики, количество групп – на её суперстратное происхождение. Важно отметить, что современный качественный облик керамические комплексы мавзолеев (Маргулан А.Х., 1979) приобрели в результате трёхкратного субъективного воздействия. 1 – при совершении обряда погребения (мы не знаем принципов отбора инвентаря), 2 – при ограблении, 3 – при выборочной публикации. Очень показательны некоторые подсчёты. На 24 памятника БДК, исследованных в 1933-1990 гг., приходится 3245 сосудов валикового облика и только чуть более 200 сосудов групп 3-9. На поселениях Кулунды и Казахского мелкосопочника бегазинская керамика залегает в одном слое с валиковой, а её количество уменьшается с СВ на ЮЗ в направлении Сарыарки. На алтайских поселениях Бурла 3 и Кайгородка 3 бегазинской керамики - 50-40% (Бобров В.В., 2002, с. 11), на Кенте около - 5%, на Мыржике - 1,7%. На поселениях бурлинского типа инородная посуда ближе к андронидной барабинской, в казахстанских памятниках отчётливо фиксируются южные компоненты. Андронидная керамика из комплексов БДК (группа 4) отличается меньшей выраженностью андроновских признаков и, следовательно, более поздняя, чем «западносибирская». В Сарыарке, в отличие от Кулунды, нет поселений, где бы

преобладала бегазинская посуда. Нет и погребений, сопровождаемых только этой керамикой. Все могилы содержат то или иное количество саргаринских горшков (исключения – нарушенные погребения мавзолея 1 могильника Бегазы и мавзолея 1 могильника Сангру I). Известны могильники с преимущественно валиковой керамикой – Айдарлы (Маргулан А.Х. и др., 1966, с. 183-186, табл. XVIII), Саргары и Жукей (Зданович С.Я., 1979, с. 10, 11; Мартынюк О.И., Зданович С.Я., 1985, с. 142-152), Картугай (раскопки И.А. Кукушкина, В.Г. Ломана), Дермен, Кштан, Тегисжол (раскопки автора). БДК – одна из культур общности валиковой керамики. Конгломерат глиняной посуды групп 2-9 отражает не конкретное культурное образование, а многообразные комплексы связей и контактов автохтонного саргаринско-алексеевского населения Сарыарки с культурами андронидной и карасукской общностей Сибири и племенами Средней Азии. Проявление БДК вне собственной территории следует видеть в находках посуды валикового облика, а не в так называемой бегазы-дандыбаевской керамике (группы 3-9). Последняя в Сарыарке имеет явно суперстратный характер. На это указывает культурная вариативность, которую нельзя объяснить ни параллельными линиями развития, ни карасукской оккупацией районов Казахского низкогорья (Исмагил Р., 1998, с. 3-6). Контакты сибирского и среднеазиатского населения с носителями БДК стимулировались потребностями в металле (медь, олово, бронза). Племена БДК, точнее их элита, получали дополнительный источник, реализуя металл. Вероятно, отношения экономического и политического характера закреплялись брачными связями, что определяло участие родственников не только в свадебных торжествах, но и в погребальных церемониях со всеми вытекающими из этого последствиями.

Наиболее стабильные отношения существовали между саргаринско-алексеевским населением Кулунды и андронидной «западносибирской» культурой Барабы. В формировании этой культуры, возможно, приняли участие группы раннеандронидного массива племён лесной полосы, родственных еловцам и бархатовцам. Импульсом для миграции лесного андронидного населения могло стать увлажнение климата в конце II тыс. до н.э., вызвавшее затопление и сокращение традиционных угодий (Хабдулина М.К., 1987, с. 104; Кирюшин Ю.Ф., Удодов В.С., 1990, с. 54). Миксация близких, но уже несколько различившихся культурных компонентов, видимо,

происходила под определённым карасукским влиянием. На лесное происхождение барабинцев с культурой типа Старого сада указывает и антропологический тип, совмещающий европеоидные и монголоидные черты, что характерно для Западной Сибири (Дремов В.А., 1990, с. 158). Генезис населения, оставившего могильник Старый сад, по мнению Т.А. Чикишевой, «ближе к карасукскому, нежели к андроновскому» (Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И., 1993, с. 136). По заключению Владимира Анатольевича Дремова для трёх черепов из погребений БДК (могильники Шоиндыколь и Енбек-Суйгуш) – типы, безусловно, европеоидные, алакульские.

Движение части лесного андронидного населения на юг в Барабу, Кулунду и южнее вдоль Иртыша, привели к появлению популяций смешанного «западносибирско-саргаринского» состава (Бурла 3, Кайгородка 3, Измайловка). Находки станковой посуды в Кулундинских памятниках, а в Сарыарке и керамики, близкой еловской, сузгунской, ирменской, карасукской, лугавской, «западносибирской», чустской, тагискенской, сапалитепинской позволяют говорить о существовании казахстанско-алтайского коридора сибирско-среднеазиатских связей. Вне сомнения, ведущая роль в осуществлении межкультурных связей принадлежала правящей аристократии племён валиковой культуры Казахстана и Алтая. Единого этнокультурного массива населения с «бегазинской» керамикой не было. Как не было и массового исхода носителей «бегазинской» традиции из Центрального Казахстана, что очень важно учитывать для адекватных историко-культурных реконструкций и во избежание мифотворчества, пусть и невольного.

О.М. Аношко

Тюменский государственный университет, г. Тюмень

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПАЛЕОДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ БАРХАТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЙ)

В связи с характером и спецификой археологического материала возникают трудности при попытке получить достоверные данные о демографической структуре древних обществ. Поэтому палеодемографические построения будут